

Самая провокационная «русская» художница Израиля: «Я по убеждениям коммунистка»

«Ицик»

В тот день, когда мы назначили интервью, на странице в соцсети появился пост: «Если я нарисую Иисуса, распятого поселенцами, это будет считаться антисемитизмом?». Реакции на это заявление были разными. Кто-то возмутился, кто-то посмеялся, а кто-то горячо поддержал. И тогда я поняла, что это будет непростая беседа с человеком, который и своим творчеством, и своей жизненной позицией эпатирует и троллит окружающих — самой провокационной художницей Израиля Зоей Черкасской.

— Зоя, судя по вашим картинам, для вас Советский Союз — это стабильное, сытное, теплое место, где вы чувствовали себя прекрасно.

— Да, я росла в конце семидесятых — начале восьмидесятых. Времена не были уже такими жесткими, как раньше. И да, это были счастливые, прекрасные годы.

— **Когда вы очень сытно кушали. Ведь ваш дедушка был директором гастронома, а дядя — мясником.**

— Ну да, мы с мамой заходили в магазин с черного хода.

— **А остальные люди стояли в унизительных очередях за едой.**

— Ну да. Конечно, это ужасно.

— **Ведь вы по убеждениям коммунистка?**

— Да, я большая любительница коммунизма. А что, нельзя?

— **А как человек, который думает, может быть любителем коммунизма?**

— А как человек, который думает, может придерживаться правых взглядов в Израиле?

«1 Мая»

— Легко. Объясните мне такой парадокс: вы верите в равноправие, в справедливую систему распределения ресурсов. И при этом пользовались привилегиями, которых были лишены подавляющее большинство жителей социалистического рая.

— Ну как сказать... Я говорю о фактах, которые были, а то, к чему надо стремиться, это другое.

— А сейчас, будучи умной взрослой женщиной с принципами и идеалами, вы отказались бы от возможности заходить в магазин через черный вход?

— Ну, если бы я верила...

— Вы, Зоя Черкасская, состоявшая известная женщина, вам говорят: везде голод и нищета, а мы тебя заведем через заднюю дверь, и там будет изобилие и счастье. Вы бы что сделали?

— Это гипотетическая ситуация, это зависит от обстоятельств.

В современном Израиле правые политики все время урезают программы помощи бедным. Я никогда не слышала слева попытки забрать деньги у бедных. Наоборот, левые силы хотят сделать все, чтобы облегчить жизнь тем, кому меньше повезло, чем вам.

«Путч»

— **Вы приехали в Израиль в четырнадцать лет, сам по себе возраст очень сложный. Плюс трудности абсорбции. Когда все черные входы оказались для вас закрыты, когда привычная жизнь разрушена. Я проследила последовательность ваших работ: ностальгические картины советского детства, затем «Новые жертвы», а потом начинается мрачная серия картин об абсорбции.**

— Это не мрачная серия, а сатирическая.

— **Но выглядит это так, как будто вы попали из прекрасного мира вашего детства в мир жестоких аборигенов, которые над вами измываются. Было такое?**

— У меня этого не было, поскольку я прямо с трапа самолета попала в элитную художественную школу, аналогичную той, в которой училась в Киеве.

Поэтому всю жизнь я находилась в культурном пузыре, мало соприкасаясь с внешним миром. И только лет в тридцать стала более широко смотреть на окружающий мир.

— Но если вы не пережили эту травму, почему она вас так волнует?

— Это коллективная память, коллективное переживание, затронувшее всех. В начале 1990-х подавляющее большинство репатриантов впервые в жизни оказались за границей. Они думали, что ехали на Запад, а оказались практически в Африке. И первой реакцией было, конечно, отторжение. Я помню, как в газетах писали о том, какие израильтяне животные. Помню, что меня это очень коробило, поскольку я пыталась влиться в израильское общество. Но сейчас, много лет спустя, я созрела, чтобы говорить об этой травме более отстраненно, с высоты прожитых лет и своего опыта.

«Новые жертвы»

— И ваши попытки осознания исторического опыта наталкиваются на резкое неприятие со стороны бывших новых репатриантов.

— Мне кажется, что сейчас началась новая волна: полное неприятие любой критики Израиля, пусть даже и сатирической. И исходит оно, как правило, от тех самых людей, которые тридцать лет назад называли сабров животными.

Сейчас их травма эволюционировала в психопатриотизм. Для меня это очень ценно, ведь эти реакции, это возмущение свидетельствует как раз о том, что мне удалось задеть какие-то струны в человеческих душах, поймать и передать дух времени.

— Это была провокация с вашей стороны?

— В большой степени, да. Это было желание вывести зрителей из зоны комфорта, чтобы они возмутились или, наоборот, восхитились.

— Вы себя чувствуете взрослой? Ведь ваш художественный стиль остался примитивистским.

— Нет, очень многие путают примитивистский стиль с модерном. Он возник в начале XX века в Европе под воздействием непривычного на Западе «дикого» искусства Африки и Востока. Весь модернизм вырос из этой революции, возникло новое отношение к форме, цвету, трактовке человеческого тела. Тогда возник интерес к любительским работам и даже к творчеству сумасшедших. Мой стиль находится под большим влиянием модернизма XX века, но он не копирует его, а преобразует определенным образом. За последние десять лет я прошла большой путь и как личность, и как художник. И это находит отражение в моих картинах, которые стали более сложными и композиционно, и технически.

— Вам важно вызвать ответную реакцию?

— Конечно, я говорю о любых проявлениях культуры без политической корректности.

— А вот представьте, что вы без всякой политической корректности написали такую карикатуру в советские времена. Что бы с вами сделали?

— Ну у вас и вопросы... Кстати, Сталин мало интересовался художниками, он больше специализировался на писателях и театральных деятелях. Наверное, Никита Сергеевич закричал бы «пидарасы!», а потом дали бы Сталинскую премию.

«Израиловка»

— **Или не дали бы.**

— Ну откуда я знаю, что бы было, если бабушка была бы дедушкой... Я вижу мир сложно, а не так примитивно, как вы. Я считаю, что огульно хаять советский режим — это так же неправильно, как хвалить его без оглядки на историю. Для меня важно озвучить свою позицию, поскольку сейчас «линия партии» другая.

— **А ваша «линия партии» какая?**

— Я в партии не состою. А если вы говорите про мои внутренние убеждения, то они абсолютно понятны: love, peace, not war.

— **Очень оригинальные мысли.**

— Может, не очень, но зато справедливые. Я вообще выступаю за справедливость и равноправие. А Советский Союз воспринимаю не примитивно и не плоско, как будто это были семьдесят лет ГУЛАГа. Были и другие вещи, и очень хорошие. Мне интересно в этом копаться, разбираться, и самой делать выводы. Пересматривать заново такое явление, как советское искусство. Очень сложное, очень разноплановое.

— Вы даже свою студию оформили советской атрибутикой: ковер на стене, автомат Калашникова, чешские сервизы.

— Но это же красиво.

— Безусловно. И плакат с надписью «ГОВНО» над всем этим.

— Это чтобы не забыть, что наша жизнь — говно. И вообще, люблю это слово.

— Оно сопровождает ваше творчество? Вот заходите в студию, и оно тут уже висит!

— Да, я пришла домой! А на самом деле я здесь восстановила советский интерьер, поскольку часто использую его в работах.

«Грёбанный иврит»

— **А вам не кажется, что это очень комфортная позиция: из XXI века, в мире «зверского», как вы говорите, капитализма, ничем не рискуя, эксплуатировать тему социализма?**

— Ну почему не рискуя? Сейчас левые идеи не очень популярны, они находятся под откровенным гонением. Правые побеждают во всем мире.

— **Но при этом ваши выставки устраивают в Музее Израиля, газета «Нью-Йорк таймс», известная тем, что может уничтожить любую карьеру, так же, как и любой карьере дать зеленый свет, пишет о вас хвалебные статьи.**

— Ну да, мы друг за друга стоим. Люди искусства вообще должны поддерживать своих.

— Интересно вы поддерживаете друг друга, прославляя людоедское государство.

— Это ваше мнение.

— Но ваша позиция очень удобная: рисовать карикатуры на израильскую действительность, с теплом и тоской вспоминая советское детство.

— Ну, удобная, да. Мне кажется, что критиковать Израиль — это абсолютно легитимно. Я гражданка этой страны, и многое меня здесь не устраивает. Сейчас любая критика воспринимается, как «предательство», и это откровенное подстрекательство против инакомыслия. Сам факт, что здесь возможна какая-то критика, говорит о том, что мы живем в более или менее нормальной стране.

— Тогда откуда берется эта идеализация Советского Союза?

— Это не идеализация Советского Союза, это проект про детство. Это взгляд ребенка на распадающуюся империю. Там есть много вещей, возмущивших убежденных коммунистов, так же, как и вызвавших гнев ненавистников советского строя. Таких проектов еще не было, каждый человек видит что-то свое. Кто-то — плохие туалеты, а кто-то вкусные пельмени.

— А девочка на этих картинах — это вы?

— Ну, типа да. Я специально для этого проекта поехала в Киев, чтобы воспроизвести с максимальной точностью все детали, игру света, какие-то вещи, не сохранившиеся в памяти, но важные для моей работы.

«Добро пожаловать на Неделю русской культуры в Ашдоде»

— **Советская тематика сегодня в тренде?**

— Нет, скорее, на Западе обратили внимание на периферийных художников.

— **То есть израильская художница, пишущая картины на тему советского детства и сатиру на израильскую действительность, сейчас интересна?**

— Да. Мне кажется, что сейчас у меня появился шанс быть замеченной в мире. Залог моего успеха в том, что я делаю то, что меня искренне интересует. Как художник я готова рассмотреть абсолютно любое культурное явление. Могу заинтересоваться, например, фашистской эстетикой, хотя фашизм как идеология для меня не существует. Я все время жалею, что израильский фашизм не породил такой сильной эстетики, как другие фашизмы.

— **Может быть, этот «фашизм» не такой уж и фашистский?**

— Да, израильский недофашизм не породил даже недоэстетику. Идиотизм

современной политики состоит в том, что израильские художники, представляющие истинную ценность, сегодня подвергаются гонениям, а им ничего не противопоставляется. Пока что израильской правой культуры просто не существует.

— Возможно, она еще не выросла? Потому что в течение семидесяти лет в искусстве довлела левая социалистическая идеология.

— Интересно посмотреть. Но пока что это выглядит как мертворожденный проект. Я надеюсь, что эти попытки закончатся раньше, чем правые доведут Израиль до конца его существования.

Беседовала Майя Гельфанд, [Девятый канал](#)